

В. И. МАРКОВИН

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Читая новейшую литературу по археологии Северного Кавказа, невольно испытываешь беспокойство. За броскими, крупномасштабными названиями статей и книг чувствуется убожество мыслей, игнорирование и попрание трудов своих предшественников — прекрасных знатоков Кавказа и его древностей, — а порой и полное неумение как-либо доказать то или иное из выдвигаемых положений. Вполне понятно, что с оживлением полевых исследований, а они за последние десятилетия развернулись во многих частях Кавказа, стал накапливаться новый материал и, часто дублируя уже давно известное, своей громадой заслонил многие успехи прошлого. Это и привело удачливых раскопщиков к преувеличенному самомнению. Всем известны успешные раскопки Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова в Северной Осетии. Ими добыт огромный погребальный материал эпохи бронзы, предложены свои, иногда проблематичные трактовки и, к сожалению, мало связанные с общим кавказоведением. Несмотря на это, в 1983 г. Н. А. Николаева выступила с обзором литературы о «среднебронзовом веке» Северного Кавказа за 1950—1970-е годы. В нем часто упоминаются труды известных археологов А. А. Исссена и Е. И. Крупнова, но в специальной таблице, должной отразить вклад ученых в исследование бронзового века Кавказа, их имена указаны только дважды, а В. А. Сафронов в этой же схеме фигурирует 13 раз, из них четырежды вместе с самой Н. А. Николаевой [1, с. 40, 41, табл. I]. Конечно, это далеко не объективное суждение о вкладе разных ученых в историческое кавказоведение. Данный пример в наиболее яркой и открытой форме показывает отношение современных специалистов к научному наследию. Обычно подобное делается завуалированно.

Я уже писал, что «в кавказоведении, когда культура многих ныне здравствующих народов вполне рельефно обращена в глубь веков, интерпретация археологических источников обычно соседствует с исторической этнографией, знанием быта и народного искусства» [2, с. 153]. Примером такого слияния данных разных наук можно назвать классический очерк, изданный А. А. Иссенем еще в 1941 г. и посвященный археологическим памятникам Кабардино-Балкарии [3, с. 7—50]. Скрытый под скромным названием, он до сих пор является образцом для современных разысканий и исследований. Другим примером может служить книга Е. И. Крупнова, посвященная истории Северного Кавказа в эпоху раннего железа. При самой строгой оценке [4, с. 15—17] эта работа вобрала в себя большое количество этнографических данных [5], и не будь ее, то, возможно, не возникла бы целая серия работ по кобанской культуре [6, см. библиографию].

Кавказовед, несомненно, должен хорошо знать географические особенности изучаемого региона. Здесь не обойтись одним только измерением расстояния от пункта А до пункта Б с прикидкой на масштаб. Горы не терпят передвижения по прямой даже при медленном пешем их преодолении.

Неправильные представления о географическом положении той или иной местности весьма коварны. Вот, к примеру, В. Г. Котович и В. М. Котович

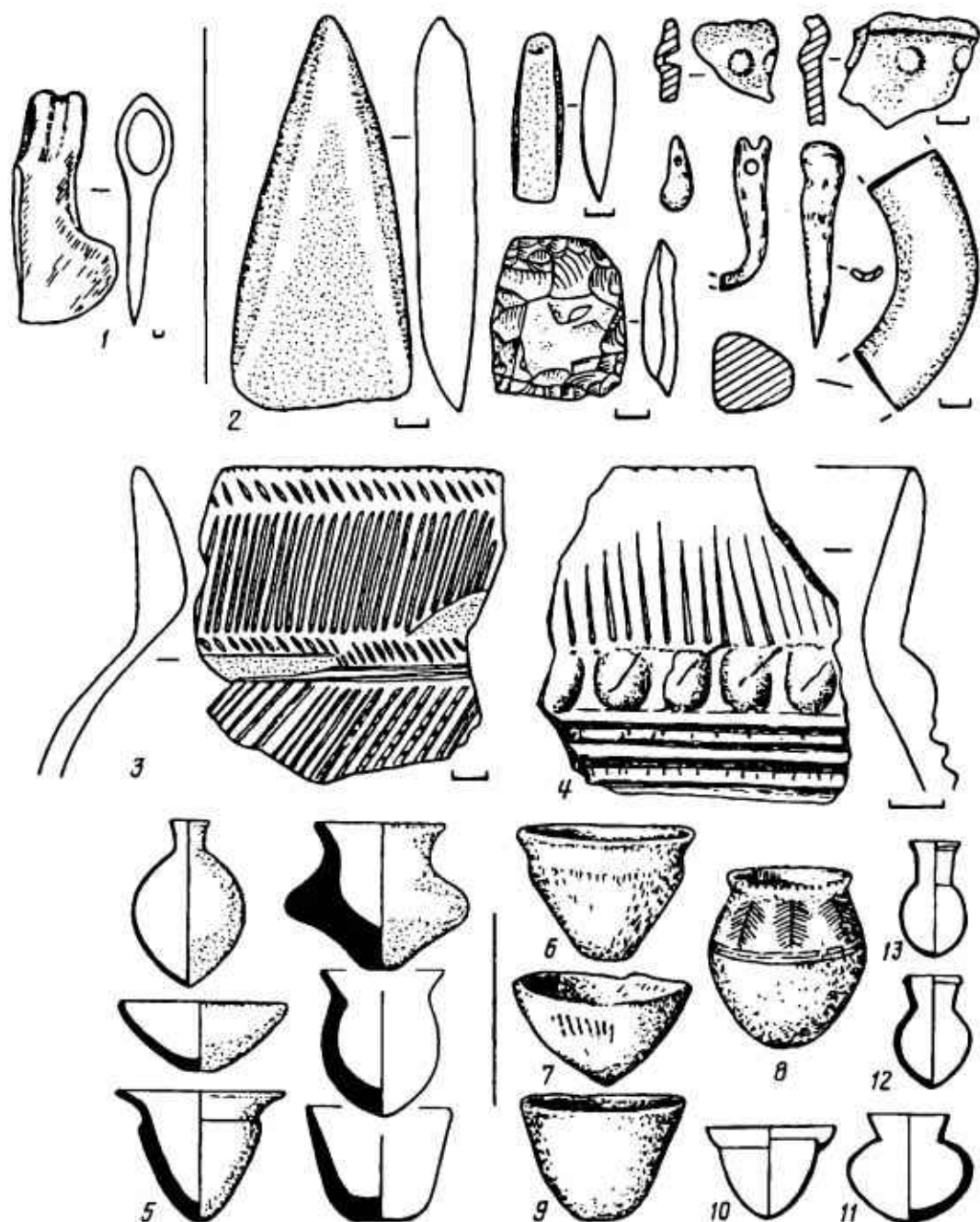

Рис. 1. Археологические материалы из Дагестана (1), поселения Свободное, Прикубанье (2, 3, 5) и некоторые параллели к его находкам (4, 6—13).

1 — сел. Ругуджа, Дагестан (по В. Г. Котовичу и В. М. Котович); 2, 3, 5 — поселение Свободное (по публикациям А. А. Нехасва); 4 — сел. Адык, Калмыкия (разведки В. И. Марковина); 6 — сел. Ровное, Саратовское Заволжье; 7 — Восточный Маньч (6, 7 — по Н. В. Синицыну); 8 — Архаринский могильник, Калмыкия; 9 — Элистинский могильник, Калмыкия (8, 9 — по Н. В. Синицыну и У. Э. Эрдиеву); 10—13 — сосуды из Месопотамии (по М. В. Андреевой)

опубликовали бронзовый овалнопроушной топор, найденный в сел. Ругуджа Гунибского р-на, Дагестана (рис. 1) [7, с. 77, 79, рис. 3, 1]. Это высокогорный район в центральной части республики. Он менее всего открыт к степям, скорее в противоположную сторону — к Главному хребту, — через который перевалами можно проникнуть в Закавказье [8, с. 42—45; 9, с. 228—236]. Но вот в статье

С. Н. Корсневского, посвященной бронзовым топорам как оружию ближнего боя¹, по поводу находки ругуджинского орудия делается такой вывод: «Аналогий ему неизвестно. Оно найдено в степной зоне Дагестана. Связано ли оно с кавказским производством или с кругом степных племен, неясно» [10, с. 33]. В данном случае «неясность» объясняется незнанием географии Дагестана. Можно вполне согласиться с мнением авторов первой публикации, что данный топор, не находя себе аналогий, «по особенностям обработки обуха и сильно вытянутым пропорциям» может быть «сопоставлен с некоторыми типами бронзовых топоров, бытовавших на Северном Кавказе в докобанский период» [7, с. 81].

Работая по кавказской тематике, следует помнить, что издаваемые книги и статьи, даже весьма специального характера, могут заинтересовать местного читателя. Они должны быть написаны хорошо обдуманном языке. Зачем, к примеру, говоря о «совпадении археологической культуры и этноса», прибегать к такой сложной терминологии, как «биогеоценоз», «признаки-маркеры», «фенотипы» [11, с. 9—12], лишь уводящей в сторону от ясности в аргументации. Также смешно говорить об особых «био-видовых» мужских и женских признаках, описывая антропоморфные изображения [13, с. 47]. Подобная речь в лучшем случае достойна энтомолога. Очень хорошо о языке научной литературы сказал акад. Д. С. Лихачев: «Главное достоинство научного языка — ясность. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота» [12, с. 436].

Те работы, о которых далее пойдет речь, более всего и вызывают беспокойство. Создается впечатление, что их авторы принадлежат одной, особой «научной школе», ибо так схожи их конечные выводы и подходы к ним. Можно сказать, что недавно вышедший из печати большой трактат, по которому нахские народы (чеченцы, ингуши, бацбийцы и др.) родственно-близки этрускам [14], методически вполне солидаризуется с некоторыми работами данной «школы».

Начну с небольшой статьи А. А. Нехаева «Домайкопская культура Северного Кавказа». Поводом для ее написания послужил тот факт, что майкопская культура, ранее относимая к неолиту, давно уже рассматривается как культура эпохи ранней бронзы. Соответственно, как пишет автор, появилось искусственное «белое пятно» между неолитом и ранней бронзой [15, с. 76]. В связи с этим известные поселения Мешоко, Ясенева Поляна на притоках р. Кубани и Замок у Кисловодска интерпретируются А. А. Нехаевым как принадлежащие «домайкопской культуре». Для примера возьмем Мешоко. Передатировка, а речь идет именно об этом, проводится беглым сравнением керамики нижнего слоя Мешоко с посудой Большого Майкопского кургана (БМК). При этом автор работы замечает, что сходство керамики обоих памятников обычно обосновывается на «аналогиях технологического порядка» при различных формах сосудов [15, с. 76]. По-видимому, автор не считает, что подобные аналогии, имеющие «технологический характер», являются эпохальным явлением. В этом и заключена суть отличий одной эпохи от другой, иначе не были бы заметны смены одних технологий другими. Здесь же А. А. Нехаев пишет, что такой весьма архаичный инвентарь, как кремневые сегменты, встречен лишь в верхнем слое Мешоко, а в нижнем «они практически отсутствовали» [15, с. 76]. Мне не верится в такую инверсию. А. А. Формозов, один из исследователей памятника, пишет, что в Мешоко самыми древними являются слои «времени Майкопского кургана» с сегментами и шлифованными топорами [16, с. 78]. А. А. Формозовым приведен рисунок подобных изделий как из Мешоко, так и из Майкопского кургана [16, с. 71, рис. 72]. Таков весь сравнительный анализ, приведенный А. А. Нехаевым и касающийся двух названных памятников.

В статье А. А. Нехаева имеется ссылка на его же работу 1989 г., в которой

¹ Я думаю, что основная масса бронзовых топоров прежде всего являлась орудиями труда. Исключение составляли клевцы, трубчатобушнные топоры и топоры с клювовидным и фигурным лезвием.

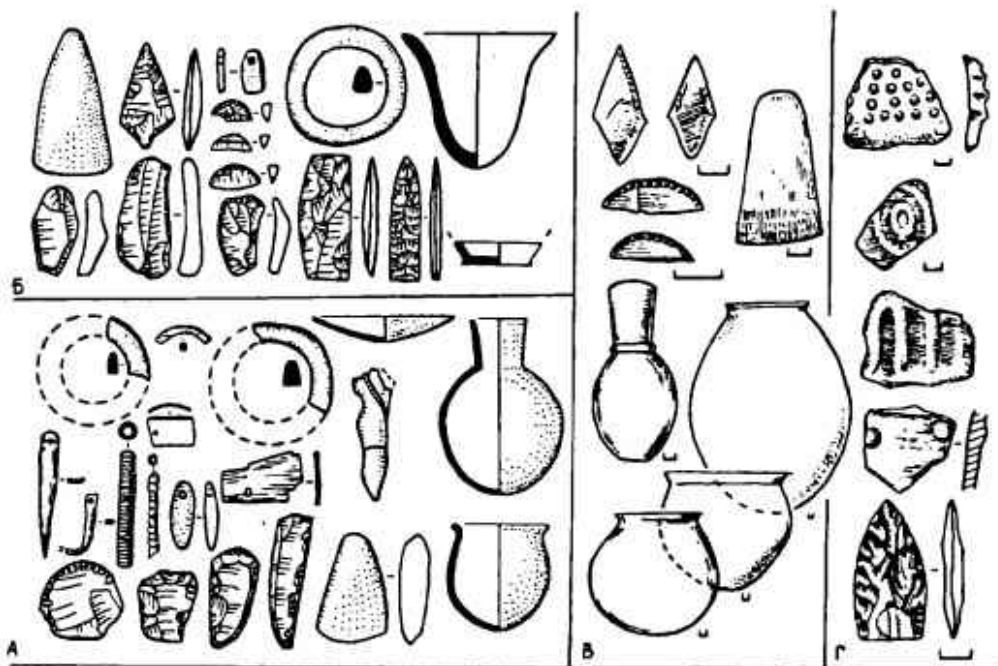

Рис. 2. Археологические материалы из поселения Мешоко (А, Б, Г) и Большого Майкопского кургана (В). А, Б — по А. А. Нехасву, нижний и верхний слои Мешоко; В — по публикации в ОАК за 1897 г.; Г — по А. Д. Столяру и А. А. Формозову

«подверглась пересмотру связь нижнего слоя поселения Мешоко и Большого Майкопского кургана» [15, с. 76]. Работа эта представляет собой тезисы, где указанным памятникам посвящены лишь три мало значащие строчки [17, с. 124].

Таблица выборочных материалов из Мешоко, составленная А. А. Нехасвым [15, с. 89, 90], мною для сравнения дополнена некоторыми предметами из Майкопского кургана [18, с. 2—10; 19, с. 212—222] и теми находками из Мешоко, которые почему-то пропустил А. А. Нехасв. Это прежде всего керамика с выпуклинами-жемчужинами [16, с. 73, рис. 34; 20, с. 88, 89, рис. 14, 1—3], характерными для посуды и металлических изделий новосвободненских дольменов [21, с. 19, 25, 29, табл. V—VII, XIV, XV]. Данная таблица (рис. 2) свидетельствует далеко не в пользу версии, предложенной А. А. Нехасвым. Подобную операцию можно было бы проделать и с материалами поселений Ясенева Поляна, Скала, Замок и др., ставшими у А. А. Нехасва памятниками «домайкопа» [15, с. 89—91].

В чем же тут дело? Видимо, секрет заключается в том, что самому А. А. Нехасву пришлось исследовать необычайно сложное поселение Свободное близ с. Красногвардейского на Кубани. В одной из первых публикаций он утверждал, что на этом памятнике «не прослеживается четкого хронологического различия материала, отчего он производит впечатление однослойного» [22, с. 25]. Среди находок были отмечены фрагменты сосудов с «жемчужинами», каменные тесла, браслеты и костяной крючок мешоковского типа (рис. 1, 2). Тогда А. А. Нехасв сделал предположение, что «поселение Свободное является лишь звеном в цепи памятников на северных рубежах майкопской культуры» [22, с. 25]. Совершенно неожиданна еще одна информация А. А. Нехасва о раскопках на данном поселении [23, с. 69—74]. Оказывается, на его территории возвышался курган эпохи бронзы — времени, близкого расцвету северокавказской общности [23, с. 69, 70, 76, рис. 2]. Его насыпь могла появиться только на территории уже опустевшего поселения [23, с. 70]. Интересно, что среди поселенческих материалов была обнаружена керамика «среднестоговского облика» (рис. 1, 3), причем данная керамика «более основательно представлена на поселении Свободное, нежели в Среднестоговской культуре» [23, с. 73]. Параллельно с этим А. А. Нехасв

подчеркивает связи Свободненского поселения с памятниками Триполья-Кукутени [15, с. 77; 23, с. 72]. Однако это не мешает ему писать, что «практически все категории находок», обнаруженных в Свободном, «могут быть сопоставлены с материалами других культур» [24, с. 23]. К данному замечанию, требующему расшифровки, следует, видимо, добавить и тот факт, что культурные напластования поселения были «достаточно сильно разрушены сооружением кургана (о котором уже говорилось, — В. М.), а также позднейшими строительными работами» [22, с. 18]. Видимо, не случайно А. А. Нехаевым не были изданы стратиграфические разрезы поселения. В результате памятник оказался дискредитированным.

Возникает вполне правомерная мысль, что поселение Свободное далеко не однослойный памятник. Его территория первоначально была заселена племенами не самой ранней фазы майкопской культуры, о чем свидетельствует керамика с «жемчужинами» [22, с. 31; 23, с. 73] и посуда майкопских профилей [15, с. 93, рис. 6, 7]. Затем местное население переселилось или подверглось нападению степных племен, также оставивших здесь свои следы, и несколько позже, когда руины поселка уже покрылись степной растительностью, на нем появился курган северокавказской общности.

А. А. Нехаев, подыскивая аналогии расположению жилищ на поселении Свободное, обратил внимание только на планировку поселков у трипольцев [15, с. 87, рис. 2], классический образец реконструкции которого в Коломийщине приводит Т. С. Пассек [25, с. 132, 133, рис. 70, 71]. Но ведь не менее интересный материал дает этнография местных, адыгских, народов, издревле проживающих в бассейне Кубани. Так, судя по рисунку и описанию Жана Батиста Тавернье (1605—1689 гг.), посреди черкесского селения имелась площадь, которую кольцом окружали легкие (турлучные) постройки [26, с. 77; 27, с. 16, рис. 4]. Адыгейцы в недалеком прошлом в зоне, граничившей со степью, селились небольшими поселками (хьабл), окруженными общей оградой; в центре их еще в XIX в. находились базар и мечеть [28, с. 205]. Кабардинцы также создавали селения в виде кольца [27, с. 25]. Несомненно, подобные, хотя и этнографические параллели, более интересны для затронутой темы, чем трипольско-кукутенские аналогии, уводящие от западной части Кавказа к Днепровско-Дунайскому региону. Конечно, при необходимости можно привлечь и подобные материалы, но ведь у А. А. Нехаева они превалируют, словно в бассейне Кубани им действительно было открыто типично трипольское поселение с расписной керамикой, покрытой характерным для нее декором. Однако на самом деле этого нет.

Посуда, близкая среднестоговской культуре, может быть интерпретирована несколько иначе. Дело в том, что среднестоговские материалы в определенной степени близки ямной культуре, а та в свою очередь настолько единообразна на огромной территории, что В. Н. Даниленко даже писал об особой «каспийско-днепровской» фазе развития ямной культуры, когда в результате контактов с племенами Северо-Западного Кавказа на посуде «ямников» появляется «жемчужный» орнамент [29, с. 61, 62]. Можно вспомнить хотя бы керамику из Быковских курганов в Волгоградской области [30, с. 227, 228, рис. 22, 3], декор которой довольно близок фрагментам из поселения Свободного. С близким узором известна посуда и с Нижнего Дона [31, с. 70, рис. 34, 1]. Подобная керамика встречается и среди древностей Калмыкии (работы И. В. Силицына, У. Э. Эрдниева, В. П. Шилова). Вот, к примеру, обломок сосуда, найденный мною в районе сел. Адык (рис. 1, 4). Кстати, Н. Я. Мерперт считает возможным синхронизировать комплексы Майкопского кургана с рубежом первого и второго этапов ямной культуры [32, с. 133]. Иначе говоря, не было большого разрыва между временем, когда на поселении Свободное жили носители майкопской культуры и когда они вынуждены были отойти или были сметены населением степей. И именно степному населению принадлежат те «экзотические» формы сосудов (рис. 1, 5), изображенные на таблицах А. А. Нехаева [15, с. 90, 93, рис. 5, 8]. Они, видимо, явились главным козырем в «домайкопской» принадлежности материалов посе-

ления Свободное. Мною подобраны лишь некоторые близкие по форме сосуды (рис. 1, 6—9), обнаруженные в Калмыкии [33, с. 166, рис. 34, 3; 34, с. 46—51, 107, табл. 5, 3; 35, с. 13, табл. 6] и Саратовском Заволжье [36, с. 47, 52, рис. 16, 3]. Не исключено, что некоторые из сосудов, данные А. А. Нехасвым в контурных зарисовках, можно считать, как писал В. А. Фисенко, «продуктом смешения, результатом сильного воздействия пришлого населения на традиции местных племен» [37, с. 75].

Чтобы меня не упресли в еще одной нарочитой однобокости в рассмотрении данного материала, вспомню, что многие ученые (А. А. Иссен, Р. М. Мунчаев, А. А. Формозов, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева и др.), говоря о памятниках «майкопа», обращали свой взор к ближневосточным материалам, которые А. А. Нехасвым почти не использованы. В этом отношении большую работу проделала М. В. Андреева, сопоставив интересующую нас посуду с изделиями древних керамистов Северной Месопотамии. Недостающие «экзотические» формы сосудов можно найти в ее подборке (рис. 1, 10—13) с нижней датой в 3400-е годы до н. э. [38, с. 48, 49, рис. 3, 4].

Если бы А. А. Нехасв не доводил свою работу до грани сенсационного открытия, а более обстоятельно рассмотрел свои материалы, это принесло бы истинную пользу науке. Ему не мешало бы, как это сделал М. Г. Гаджиев для известного энеолитического поселения Гинчи в Дагестане [39, с. 34—109], детально, до мелочей исследовать все материалы, добытые на поселении Свободное. Может быть, тогда итог исследования стал бы совершенно иным.

И еще раз немного о географии. Бассейн р. Кубани и район Пятигорья с поселением Замок относятся к западной части Кавказа, которая простирается от Черного моря до Эльбруса [40, с. 107]. Таким образом, в работе А. А. Нехасва речь идет не о всем Северном Кавказе, а лишь о части его.

Несмотря на слабую базу исследования А. А. Нехасва, оно получило довольно широкий отклик в ряде работ археологов. Прежде всего это касается керамики с «жемчужинами». Теперь она становится своеобразным мериллом для особого удревнения тех памятников, в которых была найдена. Делается это весьма тихо, «не дискутируя», — как пишут С. Н. Корневский и А. О. Наглер, — о справедливости выделения раннего, „майкопского“, и позднего, „новосвободненского“, этапов майкопской культуры» [41, с. 77]. Именно без дискуссий, а самим фактом находки подобной керамики ставится под сомнение старая периодизация майкопских древностей, и памятники с нею сразу получают статус энеолитических.

И все же интересно, каково же ныне положение с майкопской культурой. Сохранились ли ее древности на карте Северного Кавказа после ревизии, предпринятой А. А. Нехасвым? Оказывается, сохранились, о чем свидетельствует книга С. Н. Корневского «Древнейшее оседлое население на среднем Тереке». Она целиком посвящена проблемам майкопской культуры. На карте, предпосланной книге, указаны поселения как майкопской культуры, так и «домайкопские» (Свободное, Мешоко, Скала, Хаджох, Замок), т. е. разработки А. А. Нехасва автором приняты без каких-либо сомнений [13, с. 109, рис. 1]. Вероятно, поэтому в историографической справке совершенно не упоминаются исследования А. А. Формозова и А. Д. Столяра [13, с. 5—8].

Несмотря на приведенную выше цитату, С. Н. Корневский в этой работе все же применяет термин «майкопско-новосвободненская общность», ставя прилагательное от слова «майкоп» впереди как более древнюю и главенствующую часть в данном понятии. Однако в тексте книги термины «общность» и «культура» часто перемежаются, хотя автор понятие «культура» считает непригодным для использования при изучении доисторических древностей [13, с. 93]. Вместе с тем это не мешает ему применять отвергаемое слово даже для заголовков отдельных глав [13, гл. I, III]. Оперирует С. Н. Корневский и аббревиатурой БМК. При этом, как он пишет, необходимо помнить, что: 1) БМК — это «носитель традиций особого вида майкопских памятников и их общей даты появления на Кавказе и Предкавказье»; 2) БМК — «конкретный» памятник майкопской культуры и «носитель даты его сооружения» [13, с. 9]. Данная мысль, поданная в

такой своеобразной манере (я ее немного упростил), не является новой. Термин «большие кубанские курганы» был впервые предложен А. М. Тальгреном [42, с. 88—90, 200], затем принят А. А. Исесеном. Он считал, что данное определение объединяет «комплекс разнородных памятников (богатых и рядовых курганов, поселений, кладов), относящихся к одному этапу в развитии населения Северного Кавказа» [43, с. 197]. И, конечно, никакого откровения нет в том, что сам Майкопский курган является «носителем» времени своего сооружения, что не исключает в его составе вещей разной степени древности.

В монографии С. Н. Корневского рассматриваются следующие вопросы: 1) причины сложения майкопско-новосвободненской общности; 2) дальнейшие судьбы общности и ее «вклад» в последующую историю региона; 3) установление факта — сформировалась ли эта общность на месте или явилась «продуктом миграции» [13, с. 3].

Базовым памятником для решения данных задач взята группа поселений, обнаруженная автором в степной части Ставрополя, близ ст. Галюгаевской на р. Терек. Наиболее показательны поселение Галюгай I, представляющее собой холмистое возвышение до 1,5 м высоты. Здесь были обнаружены три жилища площадью около 42 и 72 м². Они имели подквадратную форму со стенами, сконструированными из «прутьев, столбиков, колышков, досок». Видимо, это были каркасные постройки, обмазанные глиной [13, с. 15, 16]. Судя по «легкости» их кровли и значительному пространству потолочного покрытия, это были постройки временного назначения. Они не могли предназначаться для длительного обитания. Вопреки мнению автора, мне представляется, что это были временки или культовые сооружения, тем более, что, как пишет С. Н. Корневский, «большой огонь» разводился вне помещений [13, с. 17], т. е. они плохо отапливались. Такие «жилища» вряд ли могли служить пристанищем в зимнюю пору при степных буранах. К тому же здесь обнаружено очень мало следов трудовой деятельности — кремневых и костяных поделок, которые в большом количестве встречаются на поселениях эпохи бронзы. Только с полной публикацией галюгаевских материалов, возможно, упомянутые сомнения исчезнут.

Большой интерес представляют публикуемые С. Н. Корневским даты Галюгай I и III по C¹⁴. Это 2530±70 лет до н. э. и 2650±80 лет до н. э. для Галюгай I; 2980±120 лет до н. э. для Галюгай III [13, с. 100]. Указанные даты даны без калибровок. Вместе с тем С. Н. Корневский замечает, что при калибровках интервал дат, полученных по C¹⁴, существенно расширяется, до 500—700 лет. При этом он приходит к выводу, что «поселения „галюгаевского майкопа“ датируются по некалиброванным значениям концом IV — первой половиной III тыс. до н. э., а с учетом исторической коррекции — второй половиной IV — началом III тыс. до н. э. По всей видимости, эти даты в какой-то мере определяют и время самой майкопской культуры в Предкавказье» [44, с. 50, 51]. Указанные, даже калиброванные, даты достаточно мягко вписываются в общее хронологическое течение эпохи ранней бронзы Северного Кавказа.

Вторым рассматриваемым объектом для С. Н. Корневского явилось давно известное Долинское поселение, находящееся в пределах г. Нальчика. Данное поселение, как считали А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, было двуслойным, что нашло свое отражение в его стратиграфических особенностях и в керамическом материале [45, с. 164—166]. Этот факт был детально разобран А. А. Исесеном, который отмечал между древнейшими находками из Долинского I и более поздними (Долинское II) определенный разрыв, относя поздние материалы (керамику с «жемчужинами») к новосвободненской подгруппе памятников [43, с. 169, 184], что также отмечается Р. М. Мунчасвым [19, с. 351]. Действительно, исследователи Долинского поселения пишут о хорошо выраженной, стерильной «ортштейновой части» — закаменевшем суглинке между слоями II и III (первый слой — дерн), содержащими культурные остатки [45, с. 165]. Подобное явление, судя по некоторым данным, могло происходить при изменении климата и аккумуляции солей извести и гипса [46, с. 58—60]. В данном случае скорее всего можно говорить о солях извести. Однако С. Н. Корневский, не сообразуясь с

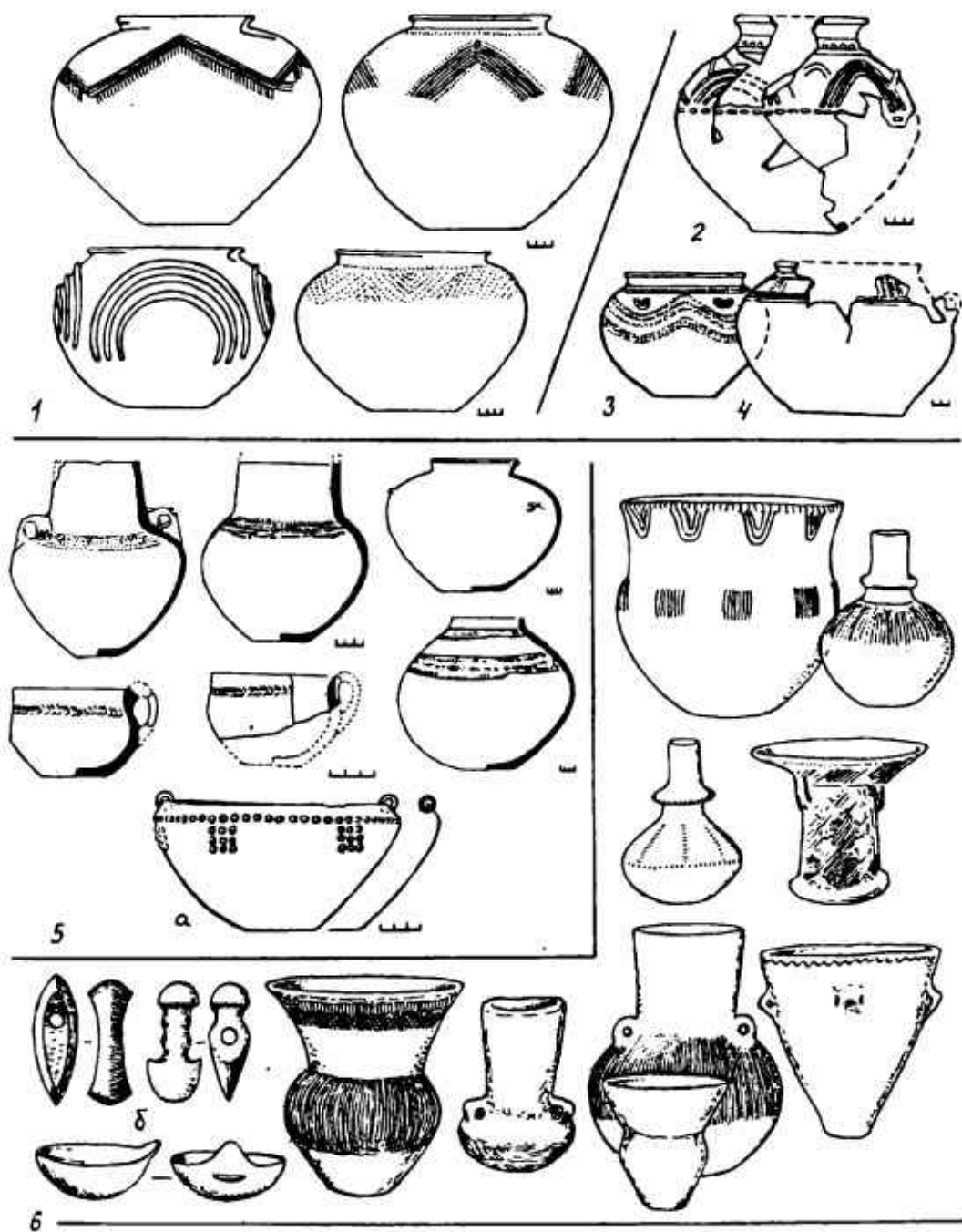

Рис. 3. Археологические материалы северокавказских памятников (1—5) и культуры воронковидных кубков (6).

1 — керамика из погребений «долинского майкопа» (по С. Н. Кореневскому); 2—4 — керамика северокавказской общности из сел. Лечникай и Былым, Кабардино-Балкария (по В. М. Батчаеву); 5 — керамика и бронзовый котел (а) из погр. 5 кург. 31 в Кладах (по А. Д. Резепкину); 6 — каменные топоры (б) и керамика культуры воронковидных кубков (по К. Я. Бекеру и К. Язжевскому)

фактами «геологии» в Долинском, и после «приобретения опыта работ на майкопских поселениях» [13, с. 26, 33], стал считать долинские материалы единовременными, почти не выдвигая никакой аргументации против мнения предыдущих исследователей. Довод один: керамический «мусор» хозяйственных ям в Долинском «не способен ни по составу, ни по уровню залегания отражать хронологию культурного слоя» [13, с. 33]. Так же просто, без мудрствования решается вопрос и о синхронности Галюгая Долинскому, хотя сам автор отмечает,

что «в комплексе керамического боя Долинского поселения трудно отметить специфические черты посуды именно Майкопского кургана, именно гробниц Новосвободной и ее группы захоронений» [13, с. 33].

Итак, изучаемые памятники, по автору, одновременны. Далее С. Н. Корневский детально останавливается на выделяемых им двух классах керамики: без искусственных добавок (первый) и с добавками (второй). Он пишет: «разница в формах сосудов поселения Галюгай I и Долинского на Терек, закрепленная этнокультурной традицией, позволяет дифференцированно рассмотреть данные о погребальном обряде населения с той и другой разновидностью керамических комплексов. Первую условно станем называть „галюгаевским майкопом“, вторую — „долинским майкопом“» [13, с. 35, 36]². При этом автора не смущает удивительный «полиритуализм» рассматриваемых им захоронений, когда в них встречаются каменные обкладки, обмазки дна могил глиной, перекрытия из дерева, каменные гробницы и прочее [13, с. 80], не смущает его и то, что некоторые образцы «долинской керамики из погребений в отличие от округлой „галюгаевской“ представляют собой приземистые сосуды, пышно украшенные разнообразным орнаментом» [13, с. 145, рис. 37]. Подобная керамика (рис. 3, 1) близка посуде северокавказской общности и вряд ли синхронна керамике Галюгай и Майкопского кургана. Она характеризует переход от «майкопа» к культуре указанной общности.

Предпринимая экскурс по погребальным памятникам Северного Кавказа, С. Н. Корневский сводит местную географию к таким понятиям, как Кабардинская, Осетинская и Чеченская долины, которые занимают у него средний Терек [13, с. 3, 77 и др.], хотя такие долины в природе не существуют [47]. Возможно, автору было удобно рассматривать изучаемый регион в виде доступных долин для возможных передвижений древнего населения, игнорируя горы, реки и скалы. Но дело, конечно, не в этом. Памятники выделенных С. Н. Корневским «галюгаевского» и «долинского» майкопов пересекаются, встречаются в одних и тех же пунктах, они (майкопы), не обретают хотя бы какого-то стабильного пространства вокруг себя. Так, посуда «галюгаевского типа» встречена в памятниках селений Лечинкай, Чегем I, Верхний Акбаш, ст. Ассиновской и в ряде других пунктов, но в них же имеется и «долинская» посуда [13, с. 37, 65—68]. Если действительно имело место такое тесное соседство, то, видимо, может идти речь или об одновременности обоих «майкопов» (это первая возможность), или о том, что на всем протяжении Приэльбрусских предгорий и Терской части Кавказа [47, с. 315, там же большая библиография] имела место обширная зона стыка, на которой в той или иной форме происходили контакты одновременно живших племен майкопской культуры (это вторая возможность). В случае, если верно второе предположение, то главные центры обоих «майкопов» должны были находиться или за Терском — в степях, или по Главному хребту, что мало реально. Остается, пожалуй, в силе старое деление памятников майкопской культуры на два варианта — прикубанский (западный) и терский (восточный) [48, с. 60, 61]. Оно более обосновано и правдоподобно.

Теперь по поводу некоторых обобщений: прежде всего причины становления «майкопо-новосвободненской общности». С. Н. Корневский пишет, что «галюгаевская и долинская разновидности майкопа» отличаются «путями сложения» и своими «компонентами — составляющими, но имеют общие корни в энсолите Большого Кавказа и прилегающих к нему долин Терека, Кубани, Куры», хотя в «окончательном виде» обе указанные разновидности сложились в Предкавказье [13, с. 102]. Несколько конкретнее автор говорит об этом в особой работе: «майкоп» Галюгай «более тяготеет к южнокавказским памятникам Сиони — Цопи — Гинчи; второй (т. е. «долинский майкоп» — В. М.) — к куро-араксу и элементам предмайкопа на Северном Кавказе. Обе разновидности терского май-

² 13 января 1994 г. в докладе, прочитанном на заседании сектора бронзы ИА РАН, С. Н. Корневский оперировал еще одним понятием в виде «псекулского майкопа».

копа отражают взаимные контакты с куро-араксом Центрального Кавказа и Чеченской долины». С. Н. Кореневский подчеркивает здесь, что это был «многоступенчатый и поликомпонентный процесс» [49, с. 39].

Чтобы понять данную мысль, напомню, что же представляют из себя Сиони, Цопи и Гинчи.

Сиони — поселение почти V тыс. до н. э., расположенное на р. Шулавери в Грузии. Здесь обнаружены дома с каменными стенами, содержавшие посуду призматических форм с насечками по краю устья и много неолитоидных орудий из кремня и обсидиана. Оно могло быть оставлено выходцами из западной, причерноморской части Закавказья [50, с. 338—340, рис. 132, 133]. Цопи — памятник того же района. Считается то более ранним, чем Сиони, то более поздним. Здесь найдены полуземлянки, обрамленные камнями. Инвентарь представлен архаичным кремневым материалом [50, с. 205—207]. Гинчи — поселение в горном Дагестане. Для него характерны каменные круглоплановые жилища и энеолитическая расписная керамика [39, с. 34—78, 95—101]. Кстати, М. Г. Гаджиев — исследователь этого памятника — не пользуется таким стяжением, как Сиони — Цопи — Гинчи.

Вот и возникает вопрос: что дало основание связывать степной Галюгай с этими типичными поселениями гор, к тому же хронологически и культурно оторванными от него? Даже сравнение их с Долинским поселением, расположенным в преддверье гор, и то было бы объяснимо. Сопоставление Долинского поселения с «предмайкопом», под которым, видимо, подразумеваются уже упоминавшиеся поселения Хаджох, Свободное и др., может быть, имеет какой-то резон. Хронологически они могут быть близки, на что указывает кремневый инвентарь и керамический комплекс, включающий фрагменты с «жемчужинами» [45, с. 177, 185—191, рис. 23, табл. VII]. Что же касается «куро-аракса», то Р. М. Мунчаев для материалов Долинского сдва намечает некоторые подобные параллели [19, с. 359—361].

Мне представляется, что для решения вопроса о происхождении культуры Галюгая и Долинского поселения надо помнить об их географическом положении на карте Кавказа, о большей близости Долинского к целому ряду памятников майкопского типа в пределах центральной части Кавказа. «Блок Сиони — Цопи — Гинчи» здесь может не иметь никакого значения, особенно для Галюгая. Трудно поверить, что к сложению «галюгаевского майкопа» привели «миграционные процессы, шедшие через горные перевалы с юга, из-за Кавказского хребта с территории Куринской низменности и Западной Грузии» [13, с. 102]. Если расшифровать это высказывание, то придется охватить весь Кавказ — от Каспия до Черного моря — и прихватить центральную часть Закавказья с поселениями Сиони и Цопи. Таким гигантским размахом вряд ли можно объяснить «этнокультурный генетизм» носителей майкопско-новосвободненской общности. Не проще ли и исторически более объективно представить появление памятников Галюгая примерно так, как это делает Р. Г. Магомедов для предполагаемых майкопских древностей в дагестанской зоне Прикаспия. Он пишет: «Картография майкопских памятников в Дагестане показывает, что все они приурочены к Каспийскому проходу, который издревле служил в качестве наиболее удобного пути из степей Восточной Европы и Северного Кавказа в Закавказье и далее в Переднюю Азию» [51, с. 44]. К этому от себя добавлю, что Галюгай расположен по сути дела у самого устья путей для подобного движения. Кстати, Р. Г. Магомедов не умалчивает фактор находки красноглиняной керамики «майкопского облика» как в Сиони, так и в Гинчи [51, с. 45], что может быть эпохальным (технологического порядка) явлением. Видимо, хорошо зная эти факты, как и орографически сложный рельеф Грузии и Дагестана, Р. Г. Магомедов отказался от заманчивой версии придавать населению майкопской культуры вполне закавказский или восточнокавказский облик. Да и О. М. Джапаридзе, отлично знающий материалы Южного Кавказа, все-таки истоки майкопских древностей более всего связывает с Прикубаньем [50, с. 366].

Размышляя о дальнейших судьбах общности, С. Н. Корневский замечает, что не видит «прямых потомков майкопцев» в эпоху развитой бронзы, но делает оговорку: «В Моздокских степях наследниками майкопцев становятся племена ямной культурно-исторической области». Это замечание он подтверждает лишь личными наблюдениями [13, с. 103, 106, примеч. 15]. Не берусь судить об этом, тем более, что «моздокские ямки» изучены крайне слабо, но вот другое его беглое замечание удивляет. С. Н. Корневский считает, что на местные племена «с наступлением среднего бронзового века ... заметно увеличивается воздействие поздне-куроаракского населения, сопровождающееся прямым переселением южнокавказских племен на северные склоны Водораздельного хребта». Это утверждение подкрепляется ссылками на работы В. Л. Ростунова [13, с. 103, 107, примеч. 14]. Прежде всего можно заметить, что «прямые потомки майкопцев» неплохо представлены в ряде древностей Северного Кавказа. Это племена северокавказской культурно-исторической общности, в течение длительного времени сохранявшие погребальный обряд, близкий майкопскому. Им для этого, вероятно, не требовалось переселений. Кстати, в их среде бытовала посуда, напоминающая керамику «долинского варианта майкопа» (рис. 3, 2—4). Подобное мнение высказывали Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, А. А. Формозов, А. Л. Нечитайло, И. М. Чеченов, да и сам С. Н. Корневский в менее конкретной форме писал о том же [52, с. 119].

Упомянувшийся В. Л. Ростунов почему-то почти все североосетинские материалы эпохи средней бронзы готов связывать только с древностями Грузии, пользуясь термином «посткуроаракс» [53, с. 21—33], забывая, что неподалеку, в Чечне и Дагестане, подобные комплексы являются естественным, почти эволюционным производным от памятников предшествующего времени. Они слиты с куро-араксом, поэтому здесь и не говорят о посткуроараксе, ибо этот термин вводит посредствующую и ощутимую фазу в развитие местной материальной культуры.

Итак, можно закрыть книгу С. Н. Корневского. К сожалению, она претендует на глобальные выводы, которые не всегда оправданы. Вряд ли периферийные памятники Галюгая могут дать тот материал, который открыл бы многие секреты майкопской культуры. Виной этому далеко неполная публикация объектов Галюгая, что мешает оценить и те положительные стороны монографии С. Н. Корневского, которые, несомненно, в ней имеются.

Изучать памятники майкопской культуры без новосвободненских древностей довольно сложно и не оправдано с научной точки зрения. Уже открытие первых гробниц в 1898 г. у ст. Царской (Новосвободной) стало сенсацией [54, с. 33—38]. И все же комплексам из Новосвободной не повезло: раскопки велись наспех, чертежи по ходу работ не делались, а изданные зарисовки вскрытых дольменовидных гробниц сделаны по описаниям. Вот почему надо считать большой научной удачей новейшие раскопки А. Д. Резепкина подобных памятников у той же станицы и в пределах той же местности Клады. Остановимся на некоторых его наблюдениях и высказываниях.

Наиболее показательны погр. 5 кург. 31. В мегалитической гробнице были найдены останки взрослого человека и ребенка. Они лежали скорченно, скелет взрослого был ориентирован на юго-юго-восток. Их сопровождал богатейший инвентарь — более 80 предметов, которые лежали в 2—3 слоя и кажутся далеко не одновременными. Среди них следует отметить бронзовые колесо-штангарт с перекрестием (рис. 4, б), крючки, проушные топоры, кипжальные клинки, фигурки животных, один из котлов, украшенный «жемчужинами» (рис. 3, 5 а) [55, с. 171—187, рис. 5—11]. Керамические сосуды по форме близки найденным Н. И. Веселовским (рис. 3, 5) [54, табл. V; 55, с. 187, 188, рис. 12]. Большой интерес представляют конструкции гробницы. К сожалению, чертежи этого сооружения (рис. 4, 1, 2) выполнены без должного внимания, они плохо читаются, а описание очень сжато [55, с. 171, 172, рис. 4]. Моя беглая зарисовка, сделанная по фотографии во время одного из докладов А. Д. Резепкина, немного дополняет их (рис. 4, 3). Гробница состояла из двух

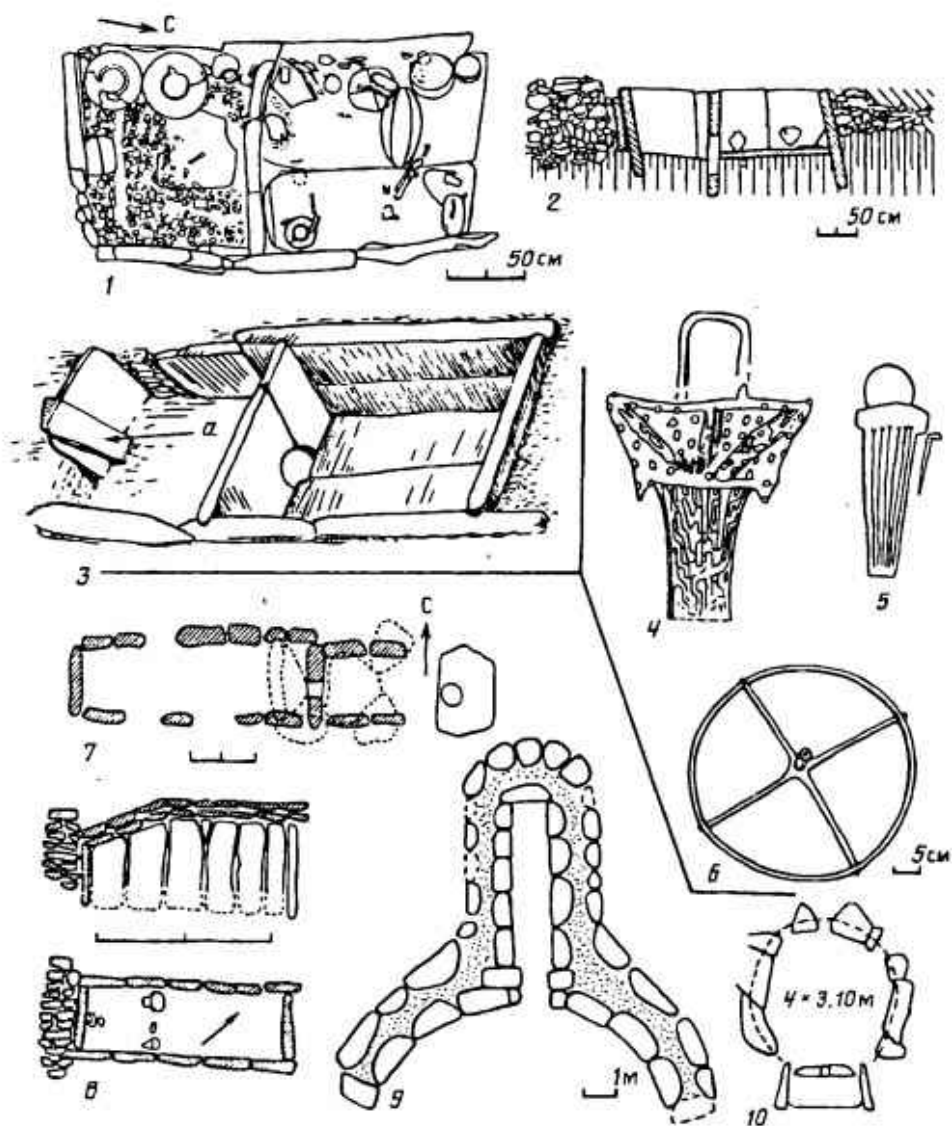

Рис. 4. Археологические материалы Западного Кавказа (1—3, 5, 6, 10) и Европы (4, 7—9). 1, 2 — план и профиль погр. 5 кург. 31 у ст. Новосвободной, Клады (по А. Д. Резепкину); 3 — зарисовка гробницы того же погребения; 4 — изображение колчана на гробнице кург. 28 в Кладах (по А. Д. Резепкину); 5 — изображение колчана на гробнице из района Мерзбурга, Германия; 6 — бронзовое колесо-штандарт, ст. Новосвободная, кург. 31, погр. 5; 7, 8 — галерейные гробницы Центральной и Северной Европы (по А. Д. Резепкину); 9 — мегалитическое сооружение в Сардинии (по Х. Цервосу); 10 — схематический план составного дольмена близ сел. Гузериль, Прикубанье (по В. И. Марковину)

камер — северной и южной. Поперечная плита, разделявшая их, имела круглое отверстие (42 × 43 см). Северная поперечная плита была глухой, а южная или фрагментированной, или неполной (дополнена камнями). Ее поддерживал каменный упор (на рис. 4, 3 а). В разрезах камер, кажется, заметна некоторая трапециевидность. Пол северной камеры состоял из двух плит, в южной, видимо, был земляным. Общая длина обеих камер до 2,5 м, ширина до 1,30 м. Высота их с юга на север падала с 0,76 до 0,81 м. Как были уложены плиты перекрытия, не ясно, так же как совсем непонятно, в какой из камер лежали умершие [55, с. 172]. По аналогии с данными Н. И. Веселовского [54, с. 34, 36], можно думать, что погребенные из раскопок А. Д. Резепкина так же лежали в северной камере, имевшей пол.

А. Д. Резепкин считает, что ближайшие аналогии подобным гробницам «на-

ходятся в культурах воронковидных кубков Центральной и Северной Европы», о чем, по его мнению, свидетельствуют мегалитические сооружения, «чернолощенная керамика специфических форм: амфоры, кубки» и скорченная поза умерших [55, с. 189]. Последний аргумент очень слаб — подобная поза канонична для многих культур. Далее автор упоминает двухкамерную гробницу кург. 28 в Кладах. На одной из ее стен был изображен колчан (рис. 4, 4), которому А. Д. Резепкин находит аналогию в Германии «на стенах гробницы из Лейне Гелич близ г. Галле» (рис. 4, 5) [55, с. 189—191, 193, рис. 16]³. Это позволяет ему к культуре воронковидных кубков присоединить еще культуру ранних шаровидных амфор [57, с. 27—29], что делается все с той же целью — утверждать северное происхождение новосвободненских гробниц.

Данную версию можно считать не только лишь эффектной, но и экзотической — представьте себе, как с севера, через значительную часть Европы, пересекая леса и степи Украины и России, идут на Кавказ древние переселенцы! Чтобы как-то сделать свое мнение убедительным, А. Д. Резепкин делает выборку из сосудов «чернолощенной керамики» [55, с. 191, рис. 13], даже не пытаясь новосвободненский материал в полной мере сопоставить с предметами, характерными для обеих европейских культур. Такая сравнительная подборка с предметами культуры шнуровой керамики мною уже давно сделана [58, с. 109, 110, рис. 2], здесь же приведен вещевой комплекс культуры воронковидных кубков (рис. 3, 6), охватывающий север и юг ее территории [59; 60; 61, с. 277]. Материал, свидетельствующий не в пользу версии А. Д. Резепкина. К тому же племена культуры кубков южнее Западного Буга не заходили. Здесь проходила пограничная зона, где трипольские памятники соседствуют с памятниками, оставленными носителями культуры воронковидных кубков. Кстати, уже по Бугу не встречаются каменные гробничные сооружения северного облика [62, с. 54—72].

Могильные сооружения культуры кубков, а их схемы приведены А. Д. Резепкиным в качестве аналогий новосвободненским сооружениям (рис. 4, 7, 8) [55, с. 191, рис. 14], достигают в длину до 20 м и содержат порой более 100 покойников [61, с. 275]. По габаритам и конструкциям они далеки от построек Западного Кавказа. Осталось уповать на сходство в изображении колчанов, обнаруженных в новосвободненской гробнице и в Германии (рис. 4, 4, 5). Сходство, кстати сказать, довольно относительное. К тому же, будучи предметами вооружения, в почти неизменной форме они могли использоваться на огромной территории и в течение длительного времени [63].

Итак, перед нами «северная версия» в происхождении новосвободненских памятников. Но вот что странно, параллельно с этим привлекаются аналогии весьма южные. Так, интерпретируя назначение бронзового колеса-штандарта (рис. 4, 6) из погр. 5, А. Д. Резепкин считает, что это «мифическое колесо», охраняющее сосуд с «амритой» — живой водой, описание которого имеется в Махабхарате, каменный пест из той же гробницы служил для добывания «живой воды» и т. д. [64, с. 77, 78], а в связи с росписями гробницы кург. 28 приводит выписки из гимнов Ригvedы [65, с. 31, 32]. Хотелось бы напомнить, что и Махабхарата и ведические гимны относятся к довольно позднему времени, не ранее конца II тыс. до н. э. [66, с. 39; 67]. А ведь собственно можно было и не прибегать к индийским мотивам — интересные факты имеются в местных, древних адыгских сказаниях — в знаменитом нартском эпосе. В нем фигурирует волшебное колесо «шерх» (шэрхъ), которое, скатываясь с горы, поражает героя эпоса Сосруко (Саусусрукъ, Сосырыкъ). Из-за всепокрушающей силы абазинцы называют это колесо «острым» [68, с. 223—227; 69, с. 251]. Несомненно, его обрядовая роль велика и, возможно, связана с культом Солнца. Не правда ли, это интересно? И находка колесовидного штандарта в Кладах только подтверждает

³ Эта давно известная находка была сделана в округе Мерзебурга (Merseburg), в местности Лейна-Гёхлиц (Leuna-Göhlitzsch). На плите гробницы изображен ковровый узор, колчан со стрелками (Köcher der mit Pfeilen gefüllt ist) и крючок (Haken) [56, с. 92, рис.].

древность местных сказаний. Можно еще вспомнить адыгские захоронения (так называемые кабардинские курганы), которые почти всегда окружены каменными кромлехообразными выкладками. Вероятно, это отголосок все того же культа.

Жаль, что А. Д. Резепкин, не издав должным образом материалы своих работ у ст. Новосвободной и не представив послойно находки из исследованных гробниц, а всем его выводам и обобщениям должна была предшествовать именно такая работа, сразу же перешел к сложным гипотезам. Так, им предложена своя версия о происхождении майкопской культуры, хотя раскрытые им гробницы он то относит к майкопской культуре [65; 70, с.25], то отделяет от нее [55, с. 192]. Попробуем прислушаться к его мнению. А. Д. Резепкин пишет: «Майкопская культура формировалась не только под воздействием новосвободненской культурной группы, но также и во взаимодействии со среднестоговской (в широком смысле)... линией степного энеолита» [55, с. 193, 194].

Итак, мы снова подошли к тому, с чего начали: снова Средний Стог, но он теперь формирует не «домайкоп», как это было у А. А. Нехаева, а «майкоп». И становится понятной та «застенчивость» в упоминании керамики с жемчужинами, которая была заметна еще у А. А. Нехаева, а затем у С. Н. Корсневского. Но это еще не все. А. Д. Резепкин пишет: «В литературе сложилась точка зрения на майкопскую культуру как культуру, сформировавшуюся под непосредственным воздействием части передневосточного населения, проникавшего на Северный Кавказ». Он согласен с этим, считая данную культуру «продуктом всестороннего взаимодействия степных и передневосточных элементов» [55, с. 189]. И снова возникает все тот же вопрос: как соединить данное высказывание со всеми предыдущими? Как согласовать непосредственное воздействие носителей культур шнуровой керамики и воронковидных кубков с «передневосточным населением» и жителями предкавказских степей? Подобное столкновение «племен и народов» мало убедительно.

Во всех своих утверждениях А. Д. Резепкин очень категоричен. Вот он пишет: «Мною была... предложена типология мегалитов Западного Кавказа, в которой источники происхождения как дольменов, так и гробниц (новосвободненских сооружений. — В. М.) генетически независимы друг от друга. Таким образом, гипотезу о типологическом и генетическом различии гробниц и дольменов можно считать доказанной» [55, с. 188, 189]. А ведь ничего не доказано!

Гробницы ст. Новосвободной А. Д. Резепкин объединяет с сооружением без лаза и собранным из вертикально стоящих стел-брусьев (найдено в Нальчике) и глухой, массивной постройкой из сел. Кишпек (в той же Кабардино-Балкарии, работы И. М. Чеченова) [71, с. 156]. Конструктивно эти памятники совершенно различны. Здесь, очевидно, следует напомнить, что для западнокавказских дольменов более всего характерны обработанные каменные плиты и блоки, наличие пазов, которыми зажимались конструктивные части, и отверстия-лазы. Всеми этими особенностями обладают гробницы ст. Новосвободной, как и основная масса плиточных дольменов Западного Кавказа [72, с. 64—66]. Однако А. Д. Резепкиным типологическое место новосвободненских сооружений поставлено в полную зависимость от гробниц культуры воронковидных кубков [71, с. 157], а в силу этого они полностью оторваны от родственных им кавказских памятников, и он их даже дольменами не считает. И все же А. Д. Резепкин не последователен, если он остальные плиточные постройки удостоивает называться дольменами в виде «конечного варианта развития коридорных гробниц на Кавказе» [71, с. 159].

Небольшую серию ложносводчатых гробниц из Прикубанья, обладающих солидным порталом, А. Д. Резепкин называет подковообразными гробницами. Исходными для их появления на Кавказе он называет мегалитические постройки Португалии, хотя не приводит их чертежей [71, с. 157—163]. Действительно, подобные сооружения известны. Такова подковообразная гробница из Сардинии (рис. 4, 9) [73, с. 246—248, рис. 313]. Только вряд ли она близка кавказским составным дольменам (рис. 4, 10). Вот почему применительно к местным памятникам название «подковообразная гробница» не привелось.

Однако здесь интересно другое. А. Д. Резепкин, несмотря на свои северные симпатии, для части кавказских мегалитов подчеркивает их средиземноморское происхождение [71, с. 157, 158], солидаризуясь с моим мнением, которое подтверждается анализом конструкций кург. Псынако I близ Туапсе [72, с. 313, 314; 74, с. 249—271]. Но если это так, то как же тогда по А. Д. Резепкину представить картину становления культуры дольменов на Западном Кавказе, ведь одна часть их строителей проникла на Кавказ с севера — из районов культуры воронковидных кубков, а другая — с Пиренсеев? И причем тут Деканский полуостров, где были сложены веды? Я не берусь решать эту задачу. Любое мнение, прежде чем быть оформленным в виде гипотезы, должно быть самым автором подвергнуто всестороннему рассмотрению. Посылки должны четко соответствовать выводам. Этого пока в построениях у А. Д. Резепкина нет.

В связи с дольменной проблемой надо затронуть и некоторые построения М. Б. Рысина. Его усилия последние годы были сосредоточены на раскопках поселения Старчики у р. Фарс близ ст. Новосвободной. Судя по ряду публикаций, этот памятник является для него исходным для всех выдвигаемых гипотез. К сожалению, просматривая его основные работы, можно прийти к печальному итогу, что поселение Старчики, имевшее несколько слоев, было раскопано очень неумело или такими траншеями, какие не дали о нем целостного представления. Вот почему во всех публикациях М. Б. Рысин умалчивает о характере жилищ, их конструкции и общем плане поселения, не упоминает костные остатки, изделия из кремня и камня и прочее [75, с. 4—9], что всегда сопутствует местам обитания человека. Однако это не мешает М. Б. Рысину делать далеко идущие выводы по хронологии дольменных памятников, их соотношению с памятниками других культур и т. д. Тексты работ М. Б. Рысина в основном посвящены керамике, но этого, вероятно, мало, чтобы писать о Прикубанье в эпоху бронзы. Даже такой вопрос: идентична ли керамика поселения Старчики дольменной посуде — не был затронут автором, а от его положительного решения зависит главное — имеет ли право М. Б. Рысин, оперируя своим материалом, писать о дольменах. Только в специальной статье о Старчиках мне удалось увидеть рисунки образцов посуды [76, с. 216—223, рис.] и сказать самому себе: «Кажется, эта керамика похожа на дольменную». Удивляет также убеждение М. Б. Рысина, что до него никто не изучал дольменные поселения [75, с. 3], а также никто не пытался собрать коллекции предметов, извлеченных из дольменов. Так и сказано: «Из-за отсутствия археологических материалов в дольменах происхождение культуры строителей сводилось к поиску прототипов кавказским постройкам среди мегалитов Европы» [77, с. 48, 49]. Видимо, автор не знает о раскопках и коллекциях Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе, Л. Н. Соловьева, И. И. Аханова, В. И. Марковина и др. Вот он и предлагает «свою» версию о генезисе культуры строителей дольменов, манипулируя керамикой все из тех же Старчиков. Вывод, сделанный им, о «новациях, изменивших культурную парадигму на Кавказе», сводится к «вовлечению Кавказа... в орбиту связей со Средиземноморьем» [77, с. 51]. Можно только напомнить читателям, что и это «открытие» далеко не ново.

Однако М. Б. Рысину принадлежит выделение еще одной новой «общности». Об этом им сказано так: западному «блоку» культур шнуровой керамики на востоке противостоит «дольменно-катакомбная общность (общность культур склеповых погребений)» [75, с. 20]. Появление ее объясняется «выбором формы погребального сооружения», который «мог зависеть от жизни конкретных коллективов, от степени их оседлости», в результате чего появляются «классические склепы» (видимо, это и есть дольмены), а «в Дагестане — катакомбы, в Чечено-Ингушетии — каменные ящики» и т. д. [75, с. 17]. М. Б. Рысин не указывает оснований для возникновения такого удивительного обобщения. Возможно, это были высказывания М. И. Артамонова о необходимости сопоставления материалов дольменной, катакомбной и других культур [78, с. 333], В. Я. Княшко о наличии некоторого сходства в дольменном и катакомбном обрядах захо-

ронский [79, с. 61]⁴ и моя находка обломка курильницы степного типа возле дольмена на р. Кизинке [72, с. 251, 252, рис. 127]. Этому также могло способствовать включение Л. Г. Нечасвой и В. В. Кривицким ряда склеповых памятников Северного Кавказа в разряд дольменов, о чем мне уже приходилось писать [81, с. 25—31].

Регион Кавказа обширен, разнообразны его памятники, даже относящиеся к одному времени. Они разнокультурны и отличаются своими архитектурными особенностями. Так, в Дагестане имеются не только катакомбы, для Чечни также известны не только ящики. Что уж говорить о гигантском катакомбном ареале, охватывающем почти всю южную часть Восточной Европы. Смешно делать подобные обобщения. К тому же архитектура дольменов, связанная с решением целого ряда чисто строительных задач [72, с. 186—202], не может быть как-либо сравнима с катакомбами, вырытыми в пластичном материале. Но, видимо, М. Б. Рысин решил, что его дольменно-катакомбные штудии дают полное право приступить к обработке любого материала, входящего в ареал его «общности», будь это Вольты, Дагестан или Абхазия. Так возникли две абсолютно одинаковые статьи, но напечатанные в разных изданиях [82, с. 19—24; 83, с. 9—14], в которых датируются и катакомбы Великента в Дагестане, и дольмены Эшери, и вся их культура. По-видимому, появление данной «общности» было воспринято С. Н. Корневским как нечто серьезное, так как он выступил с параллельной статьей и еще раз просмотрел датировки тех же дольменов Эшери и великентских катакомб [84, с. 96—101].

Таковы работы некоторых кавказоведов новой формации. Их работы, к сожалению, далеки от подлинного научного кавказоведения. Особенно в этом отношении почему-то не повезло Прикубанью [85, с. 64, 65]. Именно его «почва» и его древности породили целую плеяду археологов, в основном цитирующих только самих себя и своих друзей по перу. Труден их язык для восприятия, перегружен терминами, а порой и плохо переводимыми на русский язык оборотами. Не буду объединять всех в этом смысле воедино. Речь А. А. Нехасва из всех наших авторов выделяется и легкостью и доверительностью собеседования с читателем. Все другие авторы «вещают истины», и человек, взявший в руки их труд, должен безусловно верить им на слово, не сомневаясь в их правоте. Эту манеру изложения русский философ С. Н. Булгаков называл *infallibilitas passiva*, когда слушатель или читатель не вправе усомниться в преподносимом ему. Это истины, а он пассивен. Но отвлекитесь от кавказских проблем, возьмите книгу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», перелистайте ее и сразу же почувствуете, как автор уважителен к вам, не скрывает своих сомнений, а то с восторгом пишет о тех или иных исторических фактах. Можно понять мастерство С. В. Киселева. Это прежде всего прекрасное знание публикуемых материалов, почтительное отношение к читателям и к нормам русского языка. В нашем же случае «знаньем кажется незнание». Эту строку из стихотворения Иннокентия Анненского можно было бы поставить эпиграфом к предпринятому обзору. Вероятно, молодому пока еще поколению кавказоведов стоит задуматься над тем, какой должна быть наша наука в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева И. А. Основные тенденции в сложении концепции среднебронзового века Северного Кавказа и Предкавказья в 50—70-е годы XX в. // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
2. Марковин В. И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА. 1990. № 4.
3. Нессет А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников республики) // МИА. 1941. № 3.

⁴ Возможно, М. Б. Рысин при выделении новой «общности» слепо руководствовался весьма давним и совершенно необоснованным мнением В. Я. Кияшко, имеющим «программный» характер, о сходстве «архитектуры» катакомб Приазовья с конструкциями дольменов Западного Кавказа [80]. Однако М. Б. Рысин на эту работу не ссылается.

4. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
5. *Крутинов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
6. *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
7. *Котович В. Г., Котович В. М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане//Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
8. *Гюль К. К., Власов С. В., Кисин И. М., Тертегов А. А.* Физическая география Дагестана. Махачкала, 1959.
9. *Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. А., Микулун И. П., Элидаров М. М.* Дагестанская АССР (Физико-географический и экономико-географический обзор). Махачкала, 1958.
10. *Корневский С. П.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи бронзы Северного Кавказа//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
11. *Козенкова В. И.* Восточнокавказские древности как проявление феномена в этногенезе вайнахов//Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф. (тезисы). Шатой, 1991.
12. *Лихачев Д. С.* Книга беспокойств. М.: Новости, 1991.
13. *Корневский С. П.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
14. *Плиев Р. С.* Пахские языки — ключ к этрусским тайнам. Грозный: Книга, 1992.
15. *Исхаев А. А.* Домайкопская культура Северного Кавказа//Археологические вести. Вып. 1. СПб, 1992.
16. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
17. *Исхаев А. А.* Работа Адыгейской археологической экспедиции в 1985—1987 гг.//I Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1989.
18. ОЛК за 1897 год. СПб., 1900.
19. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
20. *Столяр А. Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры//Сборники материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
21. *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. 1963. Вып. XXXIV.
22. *Исхаев А. А.* Новое поселение майкопской культуры (предварительное сообщение)//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.
23. *Исхаев А. А.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
24. *Исхаев А. А.* Закубанье и степь в эпоху раннего металла//Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
25. *Писсек Т. С.* Периодизация трипольских поселений//МИА. 1949. №10.
26. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв./Сост. В. К. Гарданов. Пальчик, 1974.
27. *Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.
28. *Луплев М. Г., Зевакин Е. С.* Адыгейцы//Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
29. *Даниленко В. П.* Энеолит Украины (этноисторическое исследование). Киев: Наук. думка, 1974.
30. *Смирнов К. Ф.* «Быковские курганы»//МИА. 1960. № 78.
31. *Бранченко С. П.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
32. *Мерперт И. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
33. *Синицын И. В., Эрднеев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966.
34. *Синицын И. В., Эрднеев У. Э.* Элистинский могильник. Элиста, 1971.
35. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. II. Саратов, 1978.
36. *Синицын И. В.* Древние памятники Саратовского Заволжья//Археологический сборник. Саратов, 1966.
37. *Фисенко В. А.* Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока//Археологический сборник. Саратов, 1966.
38. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1.
39. *Гаджиев М. Г.* Ранне-земледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991.
40. *Гвоздецкий П. А.* Кавказ. М., 1963.
41. *Корневский С. П., Наглер А. О.* Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей//Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
42. *Tallgren A. M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland//SMYA. 1911. В. XXV.
43. *Иссен А. А.* К хронологии «Больших кубанских курганов»//СА. 1950. Вып. XII.
44. *Корневский С. П.* Радиокарбонные даты майкопских (галюгаевских) поселений//II Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1993.
45. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Пальчика//МИА. 1941. № 3.
46. *Золотух В. П., Кухтеева К. М.* Палюпочвы и уточнение датировки курганов эпохи энеолита — бронзы в степях Украины//СА. 1986. № 1.
47. Кавказ. М.: Наука, 1966.
48. *Чеченов И. М.* О локальных различиях в памятниках майкопской культуры//Тез. докл. IV КЧ по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
49. *Корневский С. П.* К вопросу о майкопе на среднем Тереке//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
50. *Джанапидзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд. ТУ, 1989.

51. *Магомедов Р. Г.* К вопросу о юго-восточной границе распространения майкопской культуры//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
52. *Корневский С. И.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
53. *Ростунов В. Л.* Куро-аракские могильники Северной Осетии//Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
54. ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
55. *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры//Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991.
56. *Schröckel W.* Westeuropäische Elemente im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. T. I. Katalog. Leipzig, 1957.
57. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Повосвободной//КСИА. 1987. Вып. 192.
58. *Марковин В. И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура)//СА. 1990. № 4.
59. *Becker C. J.* Mosefunde Lerker fra Yngre Stenalder. Kobenhavn, 1948.
60. *Yaźdźewski K.* Kultura Pułarów Leikowatych w Polsce Zachodniej i Środkowej. Poznań, 1936.
61. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
62. *Захарук Ю. М.* До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лінійчастого посуду та трипільською культурою//Матеріали І дослідження з археології Прикарпаття та Волині. Вып. 2. Львів, 1959.
63. *Фон Винклер П. П.* Оружие. М., 1992.
64. *Бестужев Г. И., Резепкин А. Д.* Новые находки из гробницы у станции Повосвободной//КСИА. 1983. Вып. 176.
65. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Повосвободной//КСИА. 1987. Вып. 192.
66. *Грицер П. А.* Амрита//Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991.
67. *Aufrecht Th.* Die Hymnen des Rigveda. Bd. I. Berlin, 1955.
68. Парты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
69. Парты. Абзидский народный эпос. Черкесск, 1975.
70. *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Северного Кавказа//Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
71. *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа//Вопросы археологии Адыген. Майкоп, 1988.
72. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
73. *Zervos Ch.* La Civilisation de la Serdaigne. Paris, 1954.
74. *Markovin V. I.* Der Kurgan Psynako I. Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (West-Kaukasus)//Zeitschrift für Archäologie. II. 27. Berlin, 1993.
75. *Рысин М. Б.* Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 1993.
76. *Рысин М. Б.* Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе//Вопросы археологии Адыген. Майкоп, 1992.
77. *Рысин М. Б.* Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
78. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.//СА. 1949. Вып. XI.
79. *Кияшко В. Я.* К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
80. *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе//Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (Тез. докл. конф. 1979 г.). Донецк, 1979.
81. *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе//КСИА. 1982. Вып. 169.
82. *Рысин М. Б.* Датировка комплексов из ЭшерИ//СА. 1990. № 2.
83. *Рысин М. Б.* Датировка комплексов из ЭшерИ//КСИА. 1990. Вып. 1990.
84. *Корневский С. И.* К вопросу о датировочных возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии//РА. 1992. № 2.
85. *Марковин В. И.* Некоторые общие вопросы в изучении первобытной археологии Прикубанья//II Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1993.

Институт археологии РАН,
Москва